

Д. Л. Мордовцев

**О русских школьных книгах
XVII века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М79

М79 **Мордовцев Д.Л.**
О русских школьных книгах XVII века / Д. Л. Мордовцев – М.: Книга
по Требованию, 2017. – 104 с.

ISBN 978-5-518-10054-1

ISBN 978-5-518-10054-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

даже призываніе благословенія Божія на тѣ лѣса, которые родятъ добрыя розги, и, по мнѣнію сочинителя Азбуковника, самая лучшая розга «черемховая двоюлѣтняя» для малыхъ дѣтей, а для болѣе взрослыхъ березовая; по его же словамъ, одна розга ведетъ дѣтей прямымъ путемъ до неба. Впрочемъ, для интересующихся предметомъ, мы позволяемъ себѣ выписать все это обращеніе къ розгѣ, написанное стихами. Вотъ оно:

«Въ предисловія мѣсто сіе полагаемъ.
 Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ,
 Розга убо ниже мало здравія вредять.
 Розга разумъ во главу дѣтемъ внояетъ,
 Учить молитвѣ и злыхъ всѣхъ встаетъ.
 Розга родителемъ послушны дѣти творитъ,
 Розга Божественнаго писанія учить.
 Розга аще и бьетъ, но не ломитъ, кости,
 А дѣтище отставляетъ отъ всякія злости.
 Розгою аще отецъ и мати часто бьютъ дѣтище свое,
 Избавляють душу его отъ всякаго грѣха.
 Розга учить дѣлати вся присно ради хлѣба,
 Розга дѣти ведетъ правымъ путемъ до неба.
 Розга убо всякимъ добротамъ научаетъ,
 Розга и злыхъ дѣтей въ прелобгія претворяетъ.
 Розгою отецъ и мати еже дѣтище не бьютъ,
 Удаву на вью его скоро увіютъ.
 Вразуми, Боже; матери и учителя,
 Розгою малыхъ дѣтей бити ранители.
 Благослови, Боже, оныя лѣса,
 Иже розги добрыя родятъ на долгія времена.
 Малымъ дѣтемъ розга черемховая двоюлѣтняя,
 Сверстнымъ же березовая къ воумленію,
 Черемховая же къ страхованію ученія,
 Старымъ же дубовый желъ къ подкрѣпленію.
 Младъ бо безъ розги не можетъ ся воумити,
 Старый же безъ желла не можетъ ходити.
 Аще ли же безъ розги изъ млада возрастется,
 Старости не достигъ, удожь скончатся.»

Подобное обращеніе къ розгѣ очень обыкновенно въ нашихъ старинныхъ учебникахъ. Въ печатной азбукѣ 1679 года находится такое же увѣщаніе о пользѣ наказанія, гдѣ говорится, что розга умъ остритъ, возбуждаетъ память и вообще исправляетъ «глупыхъ» и лѣнливыхъ дѣтей; между прочимъ увѣщаніе это говоритъ къ дѣтлмъ:

«Цѣлуйте розгу, бить и жезлъ любайте:
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте!»¹

Вообще надо замѣтить, что наша древняя педагогія считала необходимымъ на первой разъ показывать себя дѣтямъ съ такой стороны, которая и приохотила бы ихъ къ учению и въ то же время вложила бы въ сердце ихъ страхъ наказанія за лѣность и нерадѣніе, и рѣдкое предисловіе учебной книги оставалось безъ этой обыкновенной угрозы, хотя самое обученіе не было такъ сурово и жестоко, какъ нѣкоторые предполагаютъ, основываясь на однихъ этихъ увѣщаніяхъ. А увѣщанія были дѣйствительно суровы. Такъ, этотъ же самый Азбуковникъ, предисловіе котораго приведено нами выше, въ самомъ первомъ отдѣлѣ, передъ началомъ алфавита, озаглавивается слѣдующими словами: «Школьное благочиніе, всеспасительное ученіе:»

«Хотящимъ Божественныхъ книгъ навыкати,
Умомъ и сердцемъ прилѣжно внимати,
Должно есть всѣмъ сіе сохранять,
Учителево приказаніе опасно соблюдать.
Не покаряющимся полагаемъ клеймотъ —
Учителевъ ремень плѣтной.»

Послѣ этого заглавія, которое все написано киноварью, слѣдуетъ стихотворное наставленіе, обращающее къ дѣтямъ слѣдующую рѣчь:

«Младоумный и маловозрастный отроча,
Въ дѣтскихъ глумленіихъ борзо скача:
Въ сердца своемъ скрый словеса сіа,
Да насладится сердце твое бесецы сея;
Еще азъ тебѣ хошу сказать,
Тебе младога отрока во благое наказати:
Малая моя словеса присно внимай,
Ты же ими ко исправленію ся взимай,
И добръ сохраняй.»

Содержаніе самыхъ Азбуковниковъ соотвѣтствуетъ характеру тогдашняго образованія, нося на себѣ печать нравственно религіознаго направленія ума нашихъ предковъ. Но это содержаніе само по себѣ драгоцѣнно для насъ многими указаніями на способъ обученія юно-

¹ Статья г. Забѣлина: «Домашній бытъ Русскихъ Царей». VII, От. Зап. за 1854 г. N. 12, Отд. II, стр. 99, 100.

пештва, школьную дисциплину, на порядки, какіе были заведены въ тогдашнихъ Русскихъ училищахъ; въ немъ мы находимъ, хотя безъ системы и разбросанными по разнымъ учебникамъ, правила для учащихся, наставленія, какъ вести себя дома, въ училищѣ, въ церкви и на улицѣ, и, наконецъ, указанія на тѣ школьные обычаи, которые существовали у нашихъ предковъ, нѣкоторые сохранились еще и до настоящаго времени.

Прежде всего я постараюсь собрать, сколько могу, разсѣянные въ этихъ Азбуковникахъ указанія на тотъ порядокъ, которому слѣдовали педагоги тогдашняго времени въ наученіи дѣтей книжному разумѣнію, и на правила, которыми руководствовались они, слѣдуя больше принятому обычаю и примѣру своихъ предшественниковъ и не имѣя законныхъ постановленій (какъ это существуетъ теперь), на которыхъ бы могли основать школьную дисциплину.

Самое первое, что мы видимъ при чтеніи Азбуковниковъ, это существованіе отдѣльныхъ училищъ, особыхъ домовъ, гдѣ собиралось Русское юношество для наученія «книжному дѣлу.» Были ли для этого устроены особенныя зданія на общественный счетъ, или на частномъ иждивеніи, или мѣстомъ обученія были дома и квартиры самихъ наставниковъ, положительно этого мы рѣшить не смѣемъ; но что дѣти собирались въ извѣстномъ домѣ, въ училищѣ, и занимались тамъ ученіемъ до вечера или до вечеренъ, потомъ расходились по домамъ, это достоверно и доказывается очень многими мѣстами Азбуковниковъ. Впрочемъ, въ опредѣленіи Стоглава постановлено быть училищамъ при домахъ духовныхъ лицъ. Не рѣшаемся утверждать также и того, чтобы дѣти, во все время своего обученія, находились безотлучно въ самыхъ зданіяхъ училищъ¹; можетъ быть, это было прежде, но въ XVII вѣкѣ этого не было, или, по крайней мѣрѣ, существовали и такія училища, въ которыхъ дѣти не жили постоянно, какъ въ пансіонахъ, а приходили изъ дому утромъ и послѣ обѣда, находясь въ остальное время при родителяхъ. Этому мы найдемъ нѣсколько подтвержденій въ нашихъ же Азбуковникахъ. Важное свидѣтельство читаемъ мы въ нихъ относительно того, въ какихъ слояхъ Русскаго общества было распространено, если не образованіе, приличное тому времени, то, по крайней мѣрѣ, гра-

¹ О древне-Русскихъ училищахъ, Н. Лавровскаго. Харьковъ, 1854, стр. 105, 107.

мотность. Въ одномъ азбуковникѣ, сама мудрость, поучая юношество и совѣтуя родителямъ всѣхъ состояній и званій, даже земледѣльцамъ, отдавать своихъ дѣтей въ наученіе къ ней, «прехитрой словесницѣ», говоритъ между прочимъ: «сега ради присно глаголю и глаголю непрестану людямъ благочестивымъ во слышаніе, всякаго чина же и сана, славнымъ и худороднымъ, богатымъ и убогимъ, даже и до послѣднихъ земледѣльцевъ, да своя нескусозлюбныя дѣти на таковое славословіе всеильнаго Бога и благоразумное ученіе вдаютъ; не оскорбляйтесь убо. ниже печаль си имѣютъ о невѣжествующихъ и грубородныхъ отроковъ, по и сихъ удобъ отдавайте.» Конечно, по этимъ словамъ мы не можемъ еще судить и дѣлать приговоръ о распространеніи грамотности между поселянами (этимъ нельзя еще и теперь похвалиться); но что такое явленіе считалось уже возможнымъ въ то время, въ нашей старой Руси, это неоспоримо. Впрочемъ, намъ довольно и того, если мы знаемъ, что въ школахъ до-Петровской Руси могло обучаться юношество всякаго состоянія и всѣхъ сословій, начиная отъ знати до самыхъ послѣднихъ земледѣльцевъ.

Весь день, по правиламъ Азбуковниковъ, распределенъ былъ для дѣтей слѣдующимъ образомъ. (Не надо забывать, что правила эти были въ самихъ учебникахъ и выучивались дѣтьми при упражненіяхъ въ чтеніи):

«Въ дому своемъ, отъ сна вставъ, умыйся,
 Прудучнашагоси плата краемъ добръ утрися,
 Въ поклоненіи святымъ образомъ продолжися,
 Отцу и матери низко поклонися.
 Въ школу тщательно иди,
 И товарища своего веди,
 Въ школу съ молитвою входи,
 Тако же и вонъ исходи.»

Въ другомъ Азбуковникѣ эти же самыя правила выражены нѣсколько иначе, съ указаніемъ на то, что въ заграничныхъ училищахъ приняты другіе школьные обычаи, но что у насъ, «въ Словенороссіи сіе зазорно мнится.» Все же остальное почти дословно сходно съ правилами перваго Азбуковника, только написано не стихами, а прозой, какъ весь этотъ Азбуковникъ. «Прилѣпляющійся мнѣ, глаголетъ мудрость, и ищущій отъ мене благаго разума, въ домѣхъ своихъ рано встаютъ, и умывся, образу Божію низжай-

шимъ поклоненіемъ съ продолженіемъ да поклонится, и у рождшихъ благословеніе испросивъ, утренюеть ко мнѣ, си есть порану ко учителю приходить... Въ храмъ учителей, си есть въ школу, съ молитвою благоискусно да входиши и, по нижайшихъ образу Божию поклоненіихъ, учителю достодолжнымъ нижайшимъ поклоненіемъ и дружинѣ твоей обычно да поклонишися, и за мя любезную тобою мудрость пріимся, и изученное проглаголати не спѣшно потщися. Аще нѣщыи и въ навечеріи во время вечерняго пѣнія говорити повелѣвають и тако расходится и о семъ писаніе повѣствуетъ, яко во иностранныхъ мѣстахъ тако творится, у насъ же въ Словеноросіи сіе зазорно мнится».

Это значитъ, что уроки прослушивались въ обычное время утромъ, такъ что, сказавъ старшій урокъ ученикъ принимался за изученіе «новаго стиха» до самаго «вечерняго пѣснопѣнія», съ тѣмъ, чтобъ назавтра знать выученное и утромъ сказать его учителю. Все это расположено было такъ, съ той цѣлью, чтобъ вечеромъ можно было ученикамъ ити къ вечерни, чего въ иностранныхъ школахъ не соблюдали. Далѣе продолжаетъ: «Егда же дойдеши, его же учиши стиха, подобаетъ тебѣ, любезный мой, прежде, предъ образомъ Божиимъ ставъ, помолитися молитвою сею: «Господи Исусе Христе Боже нашъ, содѣтелю всея твари, вразуми мя и научи книжнаго писанія, и симъ увѣмъ хотѣнія твоя, яко да славлю тя во вѣки вѣковъ аминь.» И поклонився трижды съ молитвою Исусовою, начинай стихъ тихо, а не борзяся.»

Собравшись въ школу и сказавъ учителю прежде выученные уроки, юношество начинало учиться. При этомъ, конечно, произносились всѣмъ классомъ общія молитвы за успѣхъ ученія, съ соблюденіемъ тѣхъ требованій, которыя помѣщены въ Азбуковникахъ:

«Молитвы ваши со, умѣреннымъ гласомъ купно да бывають,
Кричаніе же и вересканіе ползы и умнѣненія отнюдь не подаваютьъ.»

Каждый ученикъ потомъ занималъ назначенное ему мѣсто, при чемъ, какъ видно, сажались по достоинству, т. е., каждый занималъ мѣсто, указанное ему дидакаломъ. Относительно поведения во время классовъ, въ Азбуковникахъ находимъ слѣдующія правила и увѣщанія:

«Малія въ васъ и величьи вси равни,
Ученій же ради вящихъ мѣстомъ да будутъ знати.»

Далѣ, въ другомъ мѣстѣ:

«Не потѣснй мѣстомъ ближняго твоего,
И не называй прозвищемъ товарища своего.»

Или:

«Тѣсною другъ ко другу не согнѣтайся,
Колѣнами и лядвіями не присвоитесь.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Данное тебѣ учителемъ кое мѣсто,
Ту житіе твое да будетъ вмѣстно;
Дружняго мѣста не восхищай,
И товарищевъ своихъ не утѣснй.»

Тѣ же самые совѣты даетъ «Мудрость» юношеству въ другомъ Азбуковникѣ. Сказавши учителю своей урокъ и прочитавъ молитву, которую мы видѣли выше, ученикъ долженъ былъ сѣсть на свое мѣсто и поступать такъ, какъ совѣтуетъ «Мудрость»: «Во дружинѣ твоей и братіи смиренъ буди и благоискусенъ во всемъ, не праздно-слови, не смѣйся, очима не намизай, ниже озирайся сѣмо и овамо, яко изумленный; ближняго не уипчижи и не утѣснй; полумиснемъ, паче же прозваніемъ, никого не называй.»

По нѣкоторымъ отрывкамъ, разсѣяннымъ безъ всякой связи въ этихъ учебникахъ, можно видѣть, какъ строго наблюдалось, чтобъ ученики вели себя благопристойно и въ школѣ и внѣ школы; правила благопристойности и простаго приличія мѣшались здѣсь съ правилами нравственными. Хотя трудно привести въ систему эти отрывки, однако мы постараемся выписать ихъ въ возможномъ порядкѣ. Касательно поведения учениковъ въ школѣ и вообще наблюдения за ихъ поступками и нравственностью, находимъ слѣдующія увѣщанія:

«Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи;
Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не явnosi.
Въ домъ отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарища своего накажи.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Доброты ближняго страсть не зри,
И близъ едаць другаго не спи.»

Духомъ смраднымъ никто же изъ васъ да зловонить,
 Таковая отъ того страсть бѣниемъ ся да отгонять.
 Данный урокъ кѣждо васъ изъучивъ,
 И, изъ школы исходя, отъ учителя прощеніе получить,
 Двери школы, входящій и исходящій,
 Тихо и благоискусно отвори и затвори.
 Деннаго ли урока кто не изъучить,
 Таковій отъ бѣніа свободы не получить.»

Надо замѣтить, что два Азбуковника, совершенно различныя, и по содержанию и по формѣ, въ отношеніи правилъ о нравственности и наставленій къ учащимся, совершенно сходны между собою. Въ самомъ дѣлѣ, что въ одномъ изъ нихъ говорилось касательно поведенія учащихся дома, то же самое сказано и въ другомъ; потомъ, какъ въ прозаическомъ Азбуковникѣ учащіеся предостерегаются отъ разныхъ непрличныхъ поступковъ, именно, чтобъ не тѣснить-ся къ товарищамъ, глазами «не намизать», не давать товарищамъ клочекъ, такъ точно и въ рѣмованномъ Азбуковникѣ находимъ это же самое, только выраженное другими словами:

«Егда кто ближняго будетъ назирати
 И очима своимъ страсть намизати,
 Ему же бѣніе будетъ нещадно,
 Да инымъ къ тому будетъ не повадно.»

Или:

«Не потѣсній мѣстомъ ближняго твоего,
 И не называй прозвищемъ товарища своего.»

На счетъ обращенія съ книгами, въ рѣмованномъ Азбуковникѣ говорится къ ученикамъ, чтобы они, «замкнувъ» книгу, всегда клали ее печатью кверху и не оставляли бы въ ней указки, которая называется здѣсь «указательнымъ древцомъ»; чтобъ книгъ не бросали на скамейкахъ, а отдавали бы ихъ «старостѣ» (старшій въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ), который долженъ класть ихъ въ назначенное мѣсто; чтобъ ученики не очень разгибали книги и безъ дѣла не перелистывали бы ихъ; чтобъ не забавлялись книжными украшеніями, «паволоками», а старались бы понять написанное въ нихъ.

«Книги ваши добре храните
 И опасно на мѣсто свое кладите;
 Книгу, замкнувъ, печатью къ высотѣ полагай.»

Указательнаго же древца въ ню отноудъ не влагай;
 Книги къ старостѣ въ соблюденіе съ молитвою приносите,
 Тако же и заутро принмал съ поклоненіемъ относите;
 Книги своя не вельми разгибайте,
 И листовъ въ нихъ туне не пребирайте;
 Книгъ на сѣдалищкомъ мѣстѣ не оставляйте,
 Но на уготованномъ столѣ добрѣ поставляйте.
 Книгъ аще кто не брежетъ,
 Таковій души своя не стрежетъ.
 Книжными наволоками не забавляйтеся,
 Но написанными въ нихъ вразумляйтеся.»

То же самое выражено въ другомъ Азбуковникѣ, чѣмъ еще больше доказывается, что эти школьные обычай были во всеобщемъ употребленіи и вошли въ правила школьной дисциплины, выражаясь въ разныхъ учебникахъ одними и тѣми же фразами, какъ видимъ изъ слѣдующихъ отрывковъ: «Аще гдѣ пойдеши, книгу твою вышшею страпою, внизъ не клади, ниже горнею, си есть вышшею страпою, яко бы стремоглавно поставивши, по долинею страпою во обоняхъ и ставлий и полагай: оно бо есть незнающихъ и невѣжествующихъ дѣло. Древца указательнаго въ книгу не клади, но тако просто, или чимъ тончайшимъ преложивъ, замкни, и на уготованномъ мѣстѣ честно полагай.»¹

Самая одинаковость выраженія этихъ мѣстъ въ томъ и другомъ Азбуковникѣ, тожество фразъ и повтореніе ихъ въ разныхъ мѣстахъ одинаковымъ образомъ, все доказываетъ, что фразы эти имѣли полное гражданство въ правилахъ нашей древней школьной дисциплины и, по всей вѣроятности, составляли часть, если можно такъ сказать, цѣлаго уложенія объ училищахъ до-Петровской Руси, которое, если и не было писано, то, по крайней мѣрѣ, въ полномъ составѣ сохранялось въ памяти самихъ наставниковъ, и частью изустно, частью въ рукописныхъ учебникахъ, передавалось юнорамъ въ заданіе. Такъ, строжайшее приказаніе ученикамъ не пересказывать виѣ школы того, что говорилось имъ семейнымъ образомъ, или вообще не выносить за порогъ школы словеснаго сору повторяется одинаковымъ образомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и не въ одномъ Азбуковникѣ, а въ разныхъ, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ сказано:

¹ Въ другомъ мѣстѣ вельмо передавать книги книгохранителю.

«Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не износи.
Въ домъ отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарища своего накажи.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Словесъ смѣхотворныхъ и подраженіе въ школу не вноси,
Дѣлъ же бываемыхъ въ ней отнюдь не износи.»

Въ третьемъ:

«Школьный соръ вонъ изнесите,
Бытностей же и рѣчей отнюдь не изнесите.»

Не останавливаясь долго на каждомъ изъ такихъ мѣстъ, отдѣльно взятыхъ, я буду продолжать указывать на тѣ правила учебниковъ, которыя сами приведутъ насъ, хотя отчасти, къ результатамъ, которыхъ мы ищемъ и которыхъ въ правѣ ожидать. Алфавитники велѣтъ ученикамъ бережно обращаться съ школьной посудой; на нихъ обязанности возложено было попеченіе, чтобы приносить въ школу свѣжую воду и выносить вонъ лаханъ съ водою настоялой; они должны были мыть столъ и лавки своей школы и пр., что выражено въ слѣдующихъ восьми стихахъ:

«Сосуды прилучающіяся въ школу ставляйте и кладите тихо,
Да небреженіа ради приключится вамъ малое лихо;
Сосудъ воды свѣжія въ школу приприсити,
Лаканъ же съ настоялою водою вонъ изнести;
Столъ и лавки часто вами да мыются,
Да приходящимъ въ школу не гнусно видется,
Симъ бо познается ваша личная лѣпота,
Лице у васъ будетъ школьная чистота.»

О значеніи этой обязанности—мыть и выносить лаканы и пр., которая въ наше время кажется такою странною, мы не будемъ теперь разсуждать, а лучше взглянемъ на другія, подобныя же правила и обязанности, возлагаемыя на учениковъ до-Петровской Руси, и увидимъ, что онѣ были, по тогдашней порѣ, своевременны, и нисколько не странны, какъ не странны, слѣдующія, на примѣръ, требованія:

«Храканія и ныля волглости вонъ да пензюени,
Предъ ближнимъ и среди школы да не поверженни:
Хризенія горлянаго и сонѣня носоваго не имѣйте,
Но яснорѣчно учимое и всякое реченіе имѣйте.»

Или эти правила:

«Отнюдъ не обнажай при товарищахъ руки и ноги твоя,
Тако же и самъ не зри страстнѣ наготы своея.

.
.

Отнюдъ не прикасайтесь къ чесому любостастнѣ,
И доброты ближнго не зрите любострастнѣ.»

Строго запрещается шумъ и крикъ, чтобы, де, сосѣди не получили о насъ дурно; шапки велѣно класть на грядку; велѣно мести школу и выносить «сорь», только не «словесный»; на обязанности учениковъ лежало поочередно топить школу, и «школу кто нагрѣваетъ, той и все въ ней пристрояеть». Впрочемъ, приведемъ и это мѣсто:

«Школьнымъ ученикомъ всѣмъ приказъ,
Ослушникомъ же и огуричкомъ будетъ указъ:
Шумъ и крикъ не полезный здѣ да не явится,
Любай сіе, съ нами таковой не водворится,
Шутка и глумленіе въ васъ отнюдъ да не услышится,
Да не ближними нѣкоими зло о насъ помыслится.
Шапки и одежды на грядку да полагаете,
И оттуду пакы бережено взимаете;
Школа всегда у васъ чиста да пребываетъ,
Подметена же и безпорошна и исчещена да бываетъ;
Школьный соръ вовъ износите,
Бытностей же и рѣчей отнюдъ не износите.
Школьные недостатки третій староста ¹ да знаетъ
И вся potreбы прилѣжно да сматрлетъ;
Школу нагрѣвайте и метите повсядневно,
Староста же сему нарежаетъ поочередно;
Школу кто нагрѣваетъ,
Той и все въ ней пристрояеть;
Школу кто хочеть нагрѣвати,
Всякое дѣло съ молитвою начинать;
Школы дверя и окна напрасно не отворяйте,
Но паче тепло въ ней збергайте.»

За тѣмъ ученики предостерегаются отъ воровства, отъ неприличнаго обращенія съ «дружиной», т. е., съ товарищами; запрещается класть руки на книгу; ради нужды гдѣ кому отходити—

¹ О «старостахъ» въ нашихъ древнихъ училищахъ будетъ сказано ниже: сколько ихъ было, изъ кого выбирались они, и ихъ обязанности.